

Спеціальная цензура книгъ и статей по крестьянскому вопросу въ 1861—1862 г.г.

I.

Въ юбилейномъ изданіи „Государственная канцелярія 1810—1910 г.“ сдѣлано указаніе о цензурной дѣятельности государственнаго секретаря В. Буткова по высшему наблюденію за литературой по крестьянскому вопросу въ первые годы по освобожденіи крестьянъ, при чемъ приведены два факта этой дѣятельности, которыми будто бы исчерпываются всѣ свѣдѣнія о ней. Между тѣмъ цензорская роль государственнаго секретаря продолжалась съ 12 февраля 1861 г. по іюль 1862 и слѣды ея сохранились въ перепискѣ съ цензурными комитетами и разными учрежденіями и лицами, соприкасавшимися съ дѣломъ цензирования книгъ и статей по крестьянскому вопросу, составившей два дѣла „о передачѣ на предварительное разсмотрѣніе въ государственную канцелярію всѣхъ статей и сочиненій, касающихся крестьянскаго вопроса ¹⁾“.

Цензорская роль государственнаго секретаря была настолько негласной, что даже редакторъ г. „День“ И. С. Аксаковъ поначалу не былъ освѣдомленъ о ней: „вообразите,—писалъ онъ отъ 6 окт. 1861 г. А. Блудовой—„Бутковъ прислалъ предписаніе, чтобы по крестьянскому дѣлу, безъ его дозволенія, не смѣть перепечатывать даже то, что помѣщается въ „губернскихъ вѣдомостяхъ“, слѣдовательно, въ официальныхъ газетахъ; не перепечатывать никакихъ журналовъ губернскихъ присут-

¹⁾ Дѣла: № 163, 1861 г. и № 142, 1862 г. Главнаго Комитета объ устрельскаго состоянія (Архивъ Госуд. Совѣта).

ствій. Самъ ли онъ это? Или главный комитетъ? Бумага, намъ объявленная, отъ его имени“¹⁾).

Крайняя скудость свѣдѣній о ходѣ крестьянскаго дѣла по изданіи Положеній о крест. въ періодической печати, сопровождавшихся большею частью указаніемъ „сообщено“ и заимствованныхъ изъ „*Сѣверной Пчелы*“ и „*Сѣверной Почты*“, находитъ себѣ объясненіе въ отношеніи спеціальной цензуры ко всему предназначенному для печати изъ области крестьянскаго дѣла, хотя на службу печати при проведеніи законоположеній о крестьянахъ въ жизнь возлагались большія надежды такими дѣятелями освобожденія, какъ Н. А. Милютинъ, выражавшій „глубокое убѣжденіе, что болѣе чѣмъ когда-либо литература при примѣненіи Положеній можетъ содѣйствовать общественному сознанію: оно одно можетъ разсѣивать вѣковые предрассудки, разъяснять новый законъ и постоянно напоминать высокія цѣли, столь легко забываемыя среди мелочей и дрязгъ всендневной жизни“²⁾. Внѣшнія условія для публицистики по крестьянскому вопросу, созданныя ad hoc наканунѣ изданія законоположеній о крест., и воздѣйствіе этихъ условій лучше всего уяснить—могла ли печать времени освобожденія крестьянъ осуществить ожидавшуюся отъ нея миссію.

Передъ обнародованіемъ Положеній о крестьянахъ состоялось 12 февраля 1861 г. Высочайшее повелѣніе, чтобы „всѣ сочиненія и статьи, касающіяся крестьянскаго вопроса и вообще настоящихъ и будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, а также устройства крестьянскаго быта на новыхъ началахъ, прежде пропуска ихъ къ печатанію общею цензурою, должны быть посылаемы на предварительное разсмотрѣніе государственнаго секретаря въ государственную канцелярію“. Вслѣдствіе этого государственный секретарь сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, чтобы онъ приказалъ цензурнымъ комитетамъ всѣ статьи и книги по означенному вопросу присылать на его имя прямо отъ цензурныхъ комитетовъ или отъ цензоровъ и даже отъ редакторовъ періодическихъ изданій; но главное управленіе цензуры, сдѣлавъ это распоряженіе, замѣтило, что редакторамъ періодическихъ изданій нельзя предоставить право такой непосредственной присылки статей за силою Высочайшаго повелѣнія 24 апрѣля 1858 г., вошедшаго въ дополненіе къ ст. 42 цензурнаго устава. Отнынѣ государственный секретарь становится по-

¹⁾ „*Ив. С. Аксаковъ въ его письмахъ*“ т. 4, ч. 2, стр. 193. Спб. 1896 г.

²⁾ Lettre de N. Milutine 29 avril 1861 a. *Leroy Beaulieu*: „Un homme d'état russe“. Paris, p. 74—75, 1884.

слѣднимъ судьей при разрѣшеніи къ печати всей литературы по крестьянскому вопросу.

Съ первыхъ же шаговъ примѣненія законоположеній о крестьянахъ возникла потребность въ популяризаціи ихъ для народа въ такомъ изложеніи ихъ по системѣ и по языку, чтобы они были совершенно доступны пониманію крестьянъ и, по своей ясности, не допускали бы никакихъ недоразумѣній или неправильныхъ толкованій. Съ этою цѣлью бывшій секретарь Я. И. Ростовцова Ѡ. Еленевъ составилъ на основаніи Положеній 19 февраля 1861 г. „*подробное наставленіе крестьянамъ и дворовымъ людемъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости*“ и представилъ рукопись В. Буткову при особой объяснительной запискѣ, въ которой, между прочимъ, объяснялъ, что „всѣ оффиціальныя и частныя извѣстія подтверждаютъ, что одною изъ главныхъ причинъ происходящихъ безпорядковъ и неповиновенія между крестьянами есть непониманіе ¹⁾ ими новыхъ ихъ отношеній къ помѣщикамъ. Грамотеи, которыхъ нарахватъ развозятъ крестьяне изъ одной деревни въ другую для объясненія Положеній, не понимая сами ихъ, объясняютъ ихъ по-своему, въ угоду любимыхъ и превратныхъ ожиданій, распространенныхъ между крестьянами, будто бы черезъ два года выйдетъ новое Положеніе, которое осуществитъ ихъ ожиданія. Происходящія между крестьянами безпокойства должны еще болѣе усилиться при введеніи уставныхъ грамотъ, когда собственно и начнется разрѣшеніе самыхъ трудныхъ вопросовъ; крестьяне припишутъ вновь вводимый порядокъ, столь далекій отъ ихъ ожиданій, произволу и насилію помѣщиковъ въ союзѣ съ мировыми посредниками, и никакія полюбовныя соглашенія не осуществятся, пока крестьяне будутъ ожидать какого-то новаго положенія и пока они не получатъ возможности сравнить выгоды этихъ соглашеній съ тѣми поземельными правами, которыя предоставлены имъ Положеніями. Крестьяне тогда только подчинятся добровольно новому порядку, когда онъ будетъ имъ изложенъ языкомъ, совершенно для нихъ понятнымъ, въ печатной книгѣ, утвержденной высшею властью. Предоставленіе же крестьянамъ принимать на вѣру новыя постановленія закона, изъ устъ мѣстныхъ властей и помѣщиковъ, которымъ они не довѣряютъ, поведетъ только къ нескончаемымъ полицейскимъ и военнымъ экзекуціямъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не подвинутъ впередъ осуществленіе предпринятой реформы. Однако-жъ, какъ ни убѣдительно были

¹⁾ Бутковъ, подчеркнувъ это слово, написалъ: „*Нежеланіе понять*“.

эти доводы, В. Бутковъ, признавая, что къ напечатанію руководства Еленева съ тѣми исправленіями, какія сдѣланы въ рукописи красными чернилами, не встрѣчается препятствій, указалъ, что „въ настоящее время (1861 г.) изданіе подобныхъ сочиненій, заключающихъ въ себѣ сокращеніе Высочайше утвержденныхъ 19 февраля 1861 г. Положеній о крестьянахъ, признано по теперешнимъ обстоятельствамъ неудобнымъ“ и потому дозволилъ выпустить въ свѣтъ наставленіе Еленева „не прежде, какъ по окончаніи полевыхъ работъ въ 1861 г., въ концѣ сентября или началѣ октября“¹⁾.

Въ теченіе 1861 г. поступилъ въ государственную канцелярію рядъ рукописей съ извлеченіями изъ Положеній о крестьянахъ, но всѣ они не разрѣшались къ печати В. Бутковымъ, мотивировавшимъ свои отказы указаніемъ на то, что „при неуспокоившемся еще волненіи умовъ“ правительство не считаетъ удобнымъ изданіе отдѣльными книжками и брошюрами сокращенія новыхъ о крестьянахъ Положеній и что оно „допустило и допускаетъ изданіе только руководствъ по частнымъ вопросамъ, относящимся до крестьянскихъ Положеній“. Не только частнымъ лицамъ не разрѣшалось изданіе сокращенныхъ сводовъ изъ статей Положенія, но было по Высочайшему повелѣнію приостановлено и не обращено въ продажѣ напечатанное уже подробное извлеченіе изъ свода законовъ о крестьянахъ, составленное II-мъ отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи, все по тѣмъ же соображеніямъ о несвоевременности и неудобствѣ появленія такихъ изданій въ 1861 г. Въ данномъ случаѣ государственный секретарь въ своихъ отказахъ лишь отражалъ принятое главнымъ комитетомъ объ устройствѣ сельскаго состоянія рѣшеніе, поводомъ къ которому послужила отмѣтка Александра II на всеподданнѣйшемъ рапортѣ фл.-адъютанта гр. Бобринскаго о необходимости изданія краткаго извлеченія изъ Положеній о крестьянахъ, когда онъ, по усмиреніи не принимавшихъ Положеній крестьянъ въ двухъ имѣніяхъ Таврической губерніи, пришелъ къ заключенію, что одной изъ причинъ этого было изложеніе правилъ о правахъ и обязанностяхъ крестьянъ, написанныхъ языкомъ непонятнымъ для нихъ, при значительномъ объемѣ Положеній, съ частыми ссылками съ одной статьи на другую, и неопредѣлительности самой редакціи постановленій, открывавшей возможность противорѣчивыхъ толкованій ихъ.

¹⁾ Это наставленіе крестьянамъ и дворовымъ появилось только въ 1862 г.

По поводу отмѣтки государя „сообразить въ главномъ комитетѣ“,— послѣдній призналъ нежелательнымъ изданіе извлеченія изъ Положеній, какъ „по трудности облечь законъ, безъ нарушенія его точности и опредѣлительности, въ форму общепонятнаго разсказа простонароднымъ языкомъ“, такъ въ особенности потому, что въ то время „когда волненія умовъ не вездѣ еще успокоились и крестьяне недостаточно еще ознакомились съ дарованными имъ правами и обязанностями, такое извлеченіе могло быть принято за новый законъ и подать поводъ къ недоразумѣніямъ и затрудненіямъ болѣе важнымъ“¹⁾.

Боязнь, чтобы предназначавшимися для крестьянъ популярными изданіями не было порождено „превратныхъ понятій“, побуждала государственнаго секретаря не пропускать въ печать уже исправленныхъ по его указаніямъ рукописей: такова была рукопись: „*прочти простой разсказъ о новомъ бытѣ твоёмъ, крестьянинъ, и ты, дворовый человекъ*“, о которой Бутковъ высказался, что изданіе ея не только не принесетъ пользы простому народу, для котораго она написана, но „лишь спутаетъ его понятія“, а потому она и не была издана.

Съ цѣлью облегченія пониманія крестьянами Положеній 19 февраля 1861 г. предпринимались переводы ихъ, въ извлеченіяхъ, на мѣстные языки: нѣкто Юшкевичъ перевелъ на литовскій языкъ мѣстное Положеніе для бѣлорусскихъ губерній съ населеніемъ въ 360.000 крестьянъ литовцевъ, и петербургскій цензурный комитетъ полагалъ, послѣ повѣрки этого перевода съ подлиннымъ русскимъ текстомъ римско-католической коллегіей, дозволить Юшкевичу напечатать его, но Бутковъ на это не согласился. Разстроилось также изданіе перевода Положеній на малороссійскомъ языкѣ, приготовленнаго П. Кулишемъ, чрезъ вмѣшательство въ это дѣло Буткова, а напечатаніе составленнаго на томъ же языкѣ „руководства къ чтенію и легчайшему пониманію Положеній“ Бутковъ обусловилъ принятіемъ сдѣланныхъ имъ измѣненій въ рукописи и чтобы она была выпущена въ свѣтъ не отъ имени правительства.

II.

Печатному обсужденію вопросовъ, вызваннымъ примѣненіемъ Положеній о крестьянахъ, цензура государственной канцеляріи ставила всяческія препоны; въ апрѣлѣ 1861 г. чиновники Яновъ

¹⁾ Дѣло главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, № 27, 1861 (Архивъ Государственнаго Совѣта).

и Сивгиревъ ходатайствовали о разрѣшеніи на изданіе газеты подъ названіемъ: „19 февраля 1861 г.“, въ которой они предполагали помѣщать: 1) все, что разовѣтъ, выяснитъ и опредѣлитъ примѣненіе Положеній 19 февраля на практикѣ и 2) всѣ необходимыя по разнымъ предметамъ сельскаго, фабричнаго и ремесленнаго хозяйства указанія, освященныя наукою и опытомъ. Но Бутковъ нашелъ это предположеніе „во многихъ отношеніяхъ неудобнымъ, въ виду того, что правительственныя распоряженія по крестьянскому дѣлу будутъ помѣщаться въ правительственныхъ изданіяхъ“, а потому изданіе газеты не было разрѣшено.

Редакторъ журнала „Солдатская бесѣда“ Погосскій ходатайствовалъ о разрѣшеніи ему помѣщать статьи, относящіяся до новаго устройства крестьянскаго быта, и представилъ въ государственную канцелярію особую записку объ общемъ значеніи, характерѣ и направленіи предположенныхъ статей; Бутковъ, усмотрѣвъ въ запискѣ „взгляды и сужденія не вполне вѣрныя“, разрѣшилъ помѣщеніе статей, относящихся до устройства быта крестьянъ, только подходящихъ къ программѣ журнала, и притомъ лишь по просмотрѣ ихъ въ государственной канцеляріи.

Вслѣдъ за обнародованіемъ Положеній о крестьянахъ при примѣненіи ихъ возникли обильныя недоразумѣнія, получившія на официальномъ языкѣ названіе „печальныхъ событій по крестьянскому дѣлу“. Замалчивать эти явленія въ печати признавалось нежелательнымъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ С. Ланскимъ, испросившимъ разрѣшеніе Государя публиковать во всеобщее свѣдѣніе содержаніе представляемыхъ имъ всеподданнѣйшихъ записокъ о послѣдствіяхъ обнародованія Положеній о крестьянахъ „для устраненія невѣрныхъ и превратныхъ толковъ“¹⁾. Съ вступленіемъ же въ министерство внутреннихъ дѣлъ Валуева официальныя извѣщенія о безпорядкахъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ по поводу примѣненія Положеній начали изрѣдка появляться въ печати въ самомъ сжатомъ видѣ статистическихъ данныхъ, при чемъ только въ этой формѣ газеты получили право ими пользоваться. Государственный секретарь съ своей стороны далъ наставленіе цензурѣ о недопущеніи никакихъ разсужденій „о печальныхъ событіяхъ по крестьянскому дѣлу“, а когда произошло самое „печальное“ изъ нихъ—усмиреніе крестьянъ въ селѣ Безднѣ, Казанской губерніи, то только съ особаго Высочайшаго разрѣшенія появилось о немъ сообщеніе

¹⁾ Дѣло главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія: № 166, 1861 г. (Архивъ Государственнаго Совѣта).

въ „Русскомъ Инвалидѣ“, въ редакціи, одобренной Бутковымъ, и изъ этого только источника оно могло быть перепечатываемо in extenso. Но „Современная лѣтопись“, издававшаяся при „Русскомъ Вѣстникѣ“¹⁾, при изложеніи казанскихъ событій допустила нѣкоторыя свои соображенія о причинахъ ихъ и обстановкѣ, при которой шло кровавое усмиреніе безднинскихъ крестьянъ, что было замѣчено Бутковымъ, потребовавшимъ объясненія этого промаха отъ предсѣдателя Московскаго цензурнаго комитета Щербинина. Какъ велико было неудовольствіе Буткова такимъ дѣяніемъ Щербинина, видно изъ оправдательнаго письма послѣдняго, въ которомъ онъ, приведенный „въ неописываемое смущеніе“ сдѣланнымъ замѣчаніемъ, „откровенно повинился въ непростительной оплошности“ и привелъ въ свое, „хотя слабое оправданіе“, слѣдующее: „изъ числа безсчетно мнѣ представляемыхъ статей, въ высшей степени возмутительныхъ, и которыя я непрестанно бракую, меня порадовало появленіе статьи, которая по своимъ выводамъ показалась мнѣ составленною въ самомъ лучшемъ направленіи, такъ какъ она представлена была редакціею, которую, по справедливости, менѣ всѣхъ прочихъ здѣсь можно заподозрить въ задней мысли, то я при общемъ обсужденіи направленія и колорита статьи, упустилъ изъ вида нѣкоторыя отѣнки ея, которые, какъ напр. въ сужденіяхъ о мѣстности событія, могутъ подать поводъ предполагать въ нихъ иронию, и въ другихъ—обвинять помѣщиковъ. Все это ускользнуло изъ моего вниманія среди всѣхъ нелѣпыхъ возгласовъ, непрестанно поражающихъ мой слухъ, въ нѣкоторыхъ кружкахъ противниковъ дѣлу освобожденія крестьянъ. Всѣ слухи къ намъ доходящіе о безпорядкахъ, возникшихъ въ разныхъ мѣстностяхъ, открывали для этихъ противниковъ обширное поле аргументаціи въ порицаніи совершившейся реформы, въ доказательство ея преждевременности, незрѣлости нашего народа, его грубости, невѣжества, лютой и звѣрства. Мнѣ показалось, кстати, появленіе статьи, опровергающей эти возгласы... Не постигаю, какъ при всегдашней моей тщательной оцѣнкѣ каждого слова въ статьяхъ, представляемыхъ на мое утверженіе, при моей крайней осторожности и строгости, возбуждающихъ противъ меня столько нареканій и жалобъ отъ нашей журналистики, меня, при первомъ прочтеніи помянутой статьи, не поразило неприличіе нѣкоторыхъ въ ней выходокъ, въ особенности той, гдѣ говорится о мѣстности села Бездна и дѣйствіяхъ военной

¹⁾ „Современная Лѣтопись“, 1861 г., № 20, стр. 16—17.

команды подъ начальствомъ графа Апраксина... Главнѣйшій промахъ въ этомъ дѣлѣ состоитъ въ томъ, что въ статьѣ полуофициальной допущены были измѣненія въ ея обстановкѣ и разсужденія, и хотя содержаніе ея заимствовано изъ „*Сѣверной Пчелы*“, но мы не должны были этого допустить. Впредь этого не будетъ, и я строго подтвердилъ цензорамъ, чтобы всѣ статьи по крестьянскому дѣлу, непосредственно намъ сообщаемыя или въ С.-Петербургскихъ журналахъ помѣщаемыя съ надписью *сообщено*, не иначе у насъ перепечатывались, какъ буквально, безъ всякихъ сокращеній, измѣненій и комментарій“. Этимъ эпизодомъ объясняется, почему о многочисленныхъ волненіяхъ крестьянъ въ 1861—1862 гг., охватившихъ по официальному подсчету 2.607 селеній ¹⁾, до насъ отъ того времени дошли самыя скудныя свѣдѣнія.

Хотя, какъ видимъ, статьи съ разсужденіями о „печальныхъ событіяхъ“ по крестьянскому дѣлу не допускались въ печати, однакожъ случалось, что статьи такого содержанія проskalъзывали въ печать, и на нѣкоторыхъ изъ нихъ стоитъ остановиться. М. Е. Салтыковъ предназначилъ для помѣщенія въ „Московскихъ вѣдомостяхъ“ статейку: „*Нѣсколько словъ объ истинномъ значеніи недоразумѣній по крестьянскому дѣлу*“, въ которой убѣждалъ въ необходимости осмотрительнаго отношенія къ случаямъ недоразумѣнія со стороны крестьянъ при введеніи Положеній, доказывая несправедливость примѣненія полицейскихъ мѣръ взысканія и дѣйствій угрозами и страхомъ наказанія, вмѣсто пріобрѣтенія свободнаго довѣрія крестьянъ, при которомъ только и возможенъ единственный прочный и плодотворный результатъ нравственнаго перевоспитанія народа, въ чемъ авторъ видѣлъ окончательную и истинно разумную цѣль преобразованія быта крестьянъ; при прекращеніи же безпорядковъ онъ рекомендовалъ „дѣйствовать мѣрами, не выходящими изъ предѣловъ закона общаго (порядкомъ слѣдственнымъ и судебнымъ), не допуская силы и мѣръ экстренныхъ“. Московскій цензоръ, аттестуя статью написанной „въ тонѣ умѣренномъ и хорошемъ направленіи“, одобрялъ ее къ печати съ нѣкоторыми измѣненіями и исключеніями, просилъ разрѣшенія на это Буткова, которое имъ и было дано ²⁾.

¹⁾ Обзоръ дѣйствій министерства внутреннихъ дѣлъ по крестьянскому дѣлу. (Спб. 1864, стр. 70).

²⁾ Статья М. Е. Салтыкова въ этомъ видѣ появилась въ № 128 „*Москов. Вѣдом.*“ за 1861 г.

Уклоненіе крестьянъ отъ участія въ составленіи уставныхъ грамотъ и вообще пассивное сопротивленіе ихъ принятію Положеній, въ ожиданіи черезъ два года „новой воли“ безъ всякихъ обязательствъ за землю, которую, по ихъ понятіямъ, они должны были получить безвозмездно,—озадачивало всѣхъ примѣнителей новыхъ законовъ о крестьянахъ. Въ изысканіи способовъ выхода изъ такого положенія приняла участіе и печать: мировому посреднику Д. Ѳ. Самарину удалось провести въ газ. „День“ (1861, № 7) ст. „Уставная Грамота“, въ которой онъ, въ діалогической формѣ, изложилъ народныя понятія о землѣ и землевладѣніи, приводившія къ заключенію, что народъ не доволенъ Положеніями потому, что упраздненіе личной крѣпостной зависимости, по его понятію, не мирится съ зависимою по землѣ отъ тѣхъ же прежнихъ помѣщиковъ, въ пользу которыхъ онъ долженъ отбывать повинность; въ понятіяхъ крестьянъ, воля и вольное отношеніе къ землѣ не отдѣлимы, а при такомъ отношеніи не должно быть никакой зависимости ихъ, съемщиковъ земли, отъ помѣщиковъ, и лишь должна оставаться зависимость отъ Царя и правительства со всѣми обязанностями. По мысли Д. Самарина, слѣдовало, устранить непосредственное отношеніе крестьянъ къ помѣщикамъ по землѣ, измѣнить только форму этихъ отношеній, требуя съ крестьянъ оброка за землю не въ пользу помѣщика, а подати въ казну, чѣмъ все будетъ улажено и крестьяне будутъ легко разведены съ помѣщиками. Статья эта, написанная подъ живымъ впечатлѣніемъ толковъ Самарина съ крестьянами въ лѣто 1861 г., появилась въ печати безъ вѣдома Буткова и возбудила оживленную полемику, какъ въ самомъ „Днѣ“, такъ и въ другихъ газетахъ, что замѣчено было Бутковымъ, предложившимъ предсѣдателю Москов. цензурн. ком. Щербинину, чтобы онъ „по важности затронутаго въ статѣ Д. Самарина вопроса, сдѣлалъ распоряженіе по цензурѣ о доставленіи ему на предварительное разсмотрѣніе всѣхъ вообще статей какъ въ опроверженіе, такъ и въ защиту мнѣній, выраженныхъ Самаринымъ. И вотъ, когда Д. Самаринъ изготавилъ отвѣтъ на возраженія противъ его статьи, то Бутковъ, усмотрѣвъ въ немъ „взглядъ на поземельную собственность вовсе не согласный съ духомъ и смысломъ Положеній 19 февр. 1861 г.“, рѣшительно воспротивился мечтанію этого отвѣта, „искренне сожалѣя, что первоначальное помѣщеніе въ газ. „День“ первой статьи Д. Самарина дало поводъ къ полемикѣ“. Тогда редакторъ „Дня“ И. С. Аксаковъ обратился къ государств. секретарю съ письмомъ,

въ которомъ, между прочимъ, приводилъ: „въ моей газетѣ „*День*“ была помѣщена ст. Д. Θ. Самарина, страшно искаженная цензурными ножницами Московскаго комитета. Эта статья вызвала сильное опроверженіе въ нѣкоторыхъ газетахъ и журналахъ и послужила поводомъ къ замѣчательнымъ статьямъ г. г. Глѣбова и Рычкова ¹⁾, разрѣшеннымъ ваш. превосх. и помѣщенныхъ въ моей газетѣ. Помѣщая эти статьи, я предоставлялъ право и себѣ и г. Самарину возражать его оппонентамъ, но ваш. превосх. извѣстно, что двѣ статьи г. Самарина остались ненапечатанными. Споръ становился не равенъ: нападать—дозволено, защищаться—запрещено,—и получивъ еще нѣсколько статей отъ г. Глѣбова и отъ другихъ въ защиту Положеній 19 февр. и въ опроверженіе г. Самарина, я отказался помѣстить ихъ въ моей газетѣ. Между тѣмъ вынужденное молчаніе со стороны г. Самарина даетъ торжество его противникамъ и заставляетъ предполагать съ его стороны или уступку или недостатокъ доводовъ для своей обороны. Такое предположеніе ставитъ меня, какъ редактора, въ положеніе крайне двусмысленное и непріятное, какъ въ отношеніи моего сотрудника, такъ и въ отношеніи къ публикѣ. Я пытался нѣсколько разъ заявить о томъ печатно, но цензура, которой нѣтъ никакого дѣла до чувства редакторской чести и совѣсти, оставалась глуха къ моимъ просьбамъ. Нападки же и клеветы въ нѣкоторыхъ журналахъ на г. Самарина продолжаются, многія обвиненія терпитъ онъ совершенно незаслуженно, вслѣдствіе искаженій, сдѣланныхъ въ его статьѣ цензурнымъ комитетомъ, и вслѣдствіе вынужденнаго съ его стороны безмолвія“ ²⁾. Прилагая письмо къ нему Самарина, И. С. Аксаковъ просилъ Буткова прочесть его и примѣчаніе къ письму отъ редакціи, надѣясь, что онъ „вполнѣ пойметъ необходимость для него такого объясненія съ публикой“. Но Бутковъ, „не довѣряя собственному мнѣнію“,

¹⁾ Дмитрій Рычковъ—псевдонимъ Ю. Θ. Самарина. И. С. Аксаковъ, раскрывая этотъ псевдонимъ въ письмѣ къ гр. А. Блудовой, замѣчалъ: „Знаете-ли вы, что статьи Д. Рычкова, помѣщенные въ 17 и 18 № № „*Дня*“ —Юрія Самарина? Вотъ каковъ крестьянскій вопросъ: „и братъ возстанетъ на брата“. Не хорошо тутъ только то, что одному брату не позволено отвѣчать, т. е. Дмитрію Самарину, по милости господина Буткова“ (*И. Аксаковъ въ его письмахъ*, т. 4, ч. 2, стр. 240, Спб. 1896 г.). Статьи Ю. Θ. Самарина („*День*“ 1862 г. № № 17 и 18) перепечатаны въ 4 т. его сочиненій. Москва. 1911 г. стр. 385—418.

²⁾ Письмо И. С. Аксакова отъ 6 марта 1862 г. Буткову (дѣло № 142, 1862 г. л. 66. Архив. Госуд. Сов.)

сообщилъ письмо Самарина м. в. дѣлъ Валуеву, который, усмотрѣвъ „тенденцію“ въ немъ, высказался противъ пропуска его въ печать, вслѣдствіе чего и Бутковъ отвѣтилъ И. С. Аксакову, что за отзывомъ министра внутреннихъ дѣлъ, „наблюденію котораго поручается нынѣ ¹⁾ все печатаемое въ нашихъ журналахъ“, онъ не считаетъ себя въ правѣ разрѣшить къ печати письмо Самарина. Такимъ образомъ прекращено было обсужденіе въ печати вопроса, о принципиальной важности котораго И. С. Аксаковъ писалъ: „въ статьѣ Д. Θ. Самарина „Уставная Грамота“ и въ сопровождающей ее моей передовой — сдѣлана постановка вопроса о значеніи въ русской жизни вообще и въ русскомъ крестьянскомъ вопросѣ въ особенности — начала *бытового* народнаго, — и начала *юридическаго*, не народнаго, и о столкновеніи между ними. Мнѣ очень важно, чтобы это возрѣніе проникло въ сознаніе общественное и правительственное. Статья Самарина въ высшей степени благонамѣрена и выгодна для помѣщиковъ, она только подводитъ раціональное основаніе подъ слова, сказанныя Государемъ въ манифестѣ, слова, въ которыхъ сдѣлана уступка бытовымъ возрѣніямъ народа. Она не противорѣчитъ Положенію, ибо признаетъ тѣ же размѣры поземельнаго надѣла и вознагражденія, — но только измѣняетъ принципъ и указываетъ на вѣрнѣйшее достиженіе цѣли... Самая идея такого свойства, что она залѣзетъ, какъ заноза въ голову, и помѣшаетъ совершиться предполагаемому выкупу казенными крестьянами земель, имъ принадлежащихъ“ ²⁾.

Выходъ изъ создавшагося положенія вслѣдствіе нежеланія крестьянъ принимать уставныя грамоты видѣли въ обязательномъ для помѣщиковъ и крестьянъ выкупѣ, и на эту тему писались статьи и дѣлались заявленія въ дворянскихъ собраніяхъ въ томъ смыслѣ, что дворянство не считаетъ обязательный выкупъ нарушеніемъ своихъ правъ, находя въ немъ единственное средство развязки обязательныхъ отношеній. Но при обсужденіи этого вопроса въ періодической печати не дозволялось критиковать положеніе о выкупѣ, и когда записка о выкупной операціи, читанная въ С. Петербургскомъ чрезвычайномъ дворянскомъ собраніи, появилась сперва въ газ. „Промышленность“, откуда была перепечатана въ „Сѣверной Пчелѣ“ (№ 94, 1862 г.), то это упущеніе было замѣчено министерствомъ внутреннихъ

¹⁾ Въ это время (1862 г.) уже предрѣшена была передача цензуры въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ изъ министерства народнаго просвѣщенія.

²⁾ И. С. Аксаковъ въ его письмахъ, т. 4, ч. 2, стр. 213. Спб. 1896 г.

дѣль, указавшимъ министру народнаго просвѣщенія, что ес никакъ не слѣдовало допускать въ печати для публики, такъ какъ въ запискѣ „не только обсуждается, но положительно отрицается только что-изданный весьма важный государственный законъ, и доказывается его несправедливость, неосновательность и неосуществимость, въ самое критическое время, когда онъ приводится въ исполненіе“. Эта цензурная бдительность министерства внутреннихъ дѣлъ проявилась въ то время, когда крестьяне во многихъ мѣстностяхъ, особенно въ западныхъ губерніяхъ, упорно отказывались отъ всякихъ сношеній съ помѣщиками, находя понудительный выкупъ, совершившійся по одностороннему желанію помѣщиковъ, для себя невыгоднымъ, и отзываясь, что они желаютъ только „Царскаго выкупа“: такъ крестьяне называли прекращеніе обязательныхъ отношеній посредствомъ обязательнаго выкупа поземельныхъ надѣловъ съ участіемъ правительства.

Дѣятельность мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений особенно интересовала общество, потому что только изъ журналовъ ихъ можно было получить полное понятіе о тѣхъ вопросахъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, которые подавали поводъ къ недоразумѣніямъ, и о томъ пониманіи Положеній о крестьянахъ, съ которымъ приходилось на практикѣ бороться этимъ учреждениямъ. Особымъ распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ было предоставлено начальникамъ губерній, подъ ихъ отвѣтственностью, разрѣшать къ печатанію въ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ постановленія названныхъ присутствій, „необходимыя для общаго мнѣнія“. Цензура государственной канцеляріи замѣтила, что въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ начали появляться постановленія и по такимъ дѣламъ, кои вовсе не необходимы для общаго свѣдѣнія, какъ на примѣръ рассказы о поступкахъ помѣщиковъ при примѣненіи Положенія, а потому Бутковъ просилъ министру внутреннихъ дѣлъ сдѣлать распоряженіе о недопущеніи въ печати такихъ обстоятельствъ и „избѣгать по возможности всего того, что могло бы служить поводомъ къ раздраженію помѣщиковъ и крестьянъ, и ограничиваться сущностью дѣла“.

III.

Какъ ни зорко слѣдилъ государственный секретарь за печатью по крестьянскому вопросу, требуя отъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія взысканій съ винов-

ныхъ за цензурныя упущенія въ порученной ему области, однакожь случалось, что и его цензорская проницательность подвергалась сомнѣнію: въ книжкѣ Шелаева „*Народный гимнъ и наставленіе временнообязаннымъ крестьянамъ*“, предназначавшейся (къ поднесенію Государю, министръ двора усмотрѣлъ „при добрыхъ намѣреніяхъ неясности и неумѣстно употребленныя выраженія, могущія дать крестьянамъ превратныя понятія и утвердить ихъ въ мнѣніи, между ними господствующемъ, что будетъ еще новое Положеніе, третья воля, какъ они выражаются“; и, передавая по Высочайшему повелѣнію книжку министру внутреннихъ дѣлъ, замѣтилъ, что „во всякомъ случаѣ цензура обязана была обратить вниманіе на отмѣченныя имъ мѣста книжки при дозволеніи къ печатанію ея“.

Министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, повидимому, использовалъ промахи Буткова въ интересахъ возобновленія роли министра внутреннихъ дѣлъ, принадлежавшей ему по цензурѣ литературы по крестьянскому вопросу во время работъ по освобожденію крестьянъ, и въ конфиденціальномъ письмѣ Буткову сообщалъ: „въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ появляются съ нѣкотораго времени статьи, въ которыхъ на основаніи будто бы историческихъ изслѣдованій высказывается болѣе или менѣе откровенно мысль, что нынѣшнія помѣщичьи земли нѣкогда принадлежали и должны были принадлежать крестьянамъ,—не согласныя съ сущностью Высочайше утвержденнаго Положенія 19 февраля 1861 г. и истекающихъ изъ нихъ правительственныхъ распоряженій. Находя, что „заявленіе и развитіе такихъ мыслей съ одной стороны, распространяя ложныя понятія въ умахъ крестьянъ, а съ другой,—раздражая помѣщиковъ колебаніемъ идеи о правахъ ихъ собственности, можетъ припятствовать успѣшному ходу развязки взаимныхъ отношеній между обоими сословіями, составляющей нынѣ одну изъ задачъ ввѣреннаго мнѣ министерства“, Валуевъ спрашивалъ Буткова: „не изволить ли онъ обратить вниманіе на неудобство при разсмотрѣніи статей по крестьянскому вопросу допущенія въ печати такихъ, въ которыхъ высказываются мысли и выводы о принадлежности, будто бы по историческому праву, помѣщичьей земли крестьянамъ“. Такого же содержанія письмо было послано Валуевымъ и управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія Головнину съ вопросомъ: не слѣдуетъ ли дать соответственныя указанія цензурному вѣдомству о недопущеніи къ печатанію статей о принадлежности помѣщичьей земли крестьянамъ.

Вслѣдъ за симъ Головинъ вошелъ чрезъ совѣтъ министровъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ, указавъ на состоявшееся 15 апрѣля 1858 г. Высочайшее повелѣніе о недопущеніи къ печатанію сочиненій и журнальныхъ статей, въ которыхъ будетъ излагаться мнѣніе о принадлежащемъ, будто бы, помѣщичьимъ крестьянамъ правѣ собственности на земли владѣльцевъ,—просилъ указаній по этому предмету. Въ результатѣ, по волѣ Государя, Головинъ сдѣлалъ распоряженіе по цензурѣ: 1) чтобы въ газетахъ и литературныхъ журналахъ не допускалось вовсе статей о правѣ будто бы собственности крестьянъ на землю, состоящую только въ ихъ пользованіи, и 2) чтобы въ книгахъ и чисто ученыхъ періодическихъ изданіяхъ подобныя статьи дозволялись не иначе, какъ ученые разсужденія, примѣняясь къ ст. 8 цензурнаго устава. Тогда же повелѣно Головину внести въ совѣтъ министровъ, не ожидая окончанія трудовъ комиссіи по дѣламъ книгоизданія, — проектъ краткой инструкціи цензорамъ, въ замѣнъ многочисленныхъ постановленій по цензурѣ, состоявшихся съ 1828 г. по 1862 г. Съ своей стороны Бутковъ сознавалъ, повидимому, неудобство своего цензорства, и, подводя итоги цензурной дѣятельности государственной канцеляріи, писалъ министру внутреннихъ дѣлъ Валуеву, что возложенная на нее Высочайшемъ повелѣніемъ 12 февраля 1861 г. обязанность добросовѣстно ею исполнялась, но когда литература по крестьянскому вопросу разрослась и достигла значительныхъ размѣровъ, то государственная канцелярія поставлена была въ рѣшительную невозможность просматривать всѣ многочисленныя журнальныя статьи и отдѣльныя изданія, присылавшіяся ежедневно на ея просмотръ, что при спѣшности пропуска статей для періодическихъ изданій создало большія затрудненія, а потому онъ полагалъ бы необходимымъ цензуру всего издающагося по крестьянскому вопросу сосредоточить на общемъ основаніи въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, которому принадлежало завѣдываніе крестьянскими дѣлами и ближайшее наблюденіе за ходомъ ихъ.

Исполненіе этого сдѣлалось возможнымъ съ изданіемъ „временныхъ правилъ для дѣйствія цензоровъ“, одобренныхъ Государемъ въ маѣ 1862 г., въ составленіи коихъ Бутковъ являлся экспертомъ, давая заключеніе Головину, что онъ „не позволялъ печатать статей, гдѣ описывались случаи злоупотребленія помѣщичьей власти при существованіи крѣпостного права, а также, гдѣ порицались основныя начала Положеній 19 февр. 1861 г., или превратно истолковывались постановленія сихъ

Положеній“, и считалъ полезнымъ сохранить эти ограниченія и на будущее время. Эти указанія Буткова вошли въ особое наставленіе цензорамъ, въ которомъ, между прочимъ, по крестьянскому дѣлу требовалось: не допускать никакого порицанія въ общемъ видѣ Положеній 19 февраля и вообще ничего противнаго этимъ положеніямъ; не позволять къ печатанію статей, которыхъ содержаніе, перенося разрѣшеніе крестьянскаго вопроса съ сельско-хозяйственной на политическую арену, могло бы возбуждать неосновательныя и неумѣстныя толкованія по этому вопросу. Въ періодическихъ изданіяхъ, а равно въ отдѣльныхъ книжкахъ и брошюрахъ, предназначенныхъ для народнаго чтенія, не допускать ни подъ какимъ видомъ статей, въ которыхъ излагаются мнѣнія о принадлежащемъ будто бы крестьянамъ правѣ собственности на землю, предоставленную имъ только въ пользованіе, на установленныхъ въ законѣ условіяхъ. При сообщеніи въ газетахъ постановленій мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій не позволять осужденія этихъ постановленій или доказательства несправедливости или неприемлимости ихъ на дѣлѣ, такъ какъ эти постановленія, со времени утвержденія ихъ, имѣютъ законную обязательную силу для той мѣстности, до которой они касаются. Не позволять никакихъ рѣзкихъ и язвительныхъ отзывовъ о настоящихъ отношеніяхъ между помѣщиками и ихъ служителями, или бывшими крестьянами, и вообще не разрѣшать къ печати никакихъ статей и разсужденій, которыя могли бы возбуждать неудовольствіе и раздраженіе одного сословія противъ другого“¹⁾).

Отнынѣ, съ усиленіемъ цензурной строгости и углубленіемъ надзора двухъ вѣдомствъ за общею печатью, уже не требовалось надобности въ спеціальной цензурѣ со стороны государственнаго секретаря, а успѣшность дѣйствія цензоровъ, руководившихся вновь изданнымъ наставленіемъ, была на столько утѣшительна по результатамъ, что въ официальномъ „*обозрѣніи направленія періодическихъ изданій и газетъ и отзывовъ ихъ по важнѣйшимъ правительственнымъ и другимъ вопросамъ за 1862 г.*“ можно было констатировать, что въ 1862 г. въ журналахъ совершенно прекратилась „раздражительная полемика по крестьянскому вопросу, оскорбительная для помѣщиковъ и бесполезная для крестьянъ“, а также и статьи „проповѣдующія комму-

¹⁾ Это „особое наставленіе при цензурованіи статей“, касающихся разныхъ вѣдомствъ, сообщено было мин. нар. просвѣщ. при циркулярѣ отъ 17 мая 1862 г.

низмъ (sic!), и въ особенности тѣ, въ которыхъ доказывалось право собственности крестьянъ на помѣщичьи земли“, якобы до 1862 г. „появлявшіяся почти во всѣхъ нашихъ журналахъ какъ бы съ цѣлью поколебать юридическія начала всякаго образованнаго общества“¹⁾.

Но не однѣ статьи съ субверсивными мыслями не пропускались въ печать; не увидѣли свѣта и такія статьи, въ которыхъ содержался фактической разборъ того, какъ на дѣлѣ примѣнялись Положенія 19 февр. 1861 г., что попрепятствовало своевременному раскрытію злоупотребленій при ихъ примѣненіи, и только по статьямъ о крестьянскомъ дѣлѣ, недозволеннымъ цензурою²⁾, можно отчасти судить, какого контроля со стороны печати лишилась крестьянская реформа въ самый важный моментъ ея движенія—при введеніи въ жизнь Положеній 19 февраля.

Цензорская роль государственнаго секретаря окончилась въ іюль 1862 г.; она была создана, по объясненію Буткова, „въ виду тѣхъ особыхъ обстоятельствъ, кои могли быть вызваны совершившимся преобразованиемъ“ въ бытѣ крестьянъ; какія такія обстоятельства ожидались, для которыхъ потребовалась специальная цензура некомпетентнаго въ этомъ дѣлѣ учрежденія, какъ государственная канцелярія,—мы даже въ настоящее время затруднились бы указать, но несомнѣнно, что отъ этой цензуры лишь потерпѣли интересы освобожденныхъ крестьянъ.

Алексѣй Попельницкій.

¹⁾ Названнаго „Обозрѣнія“ стр. 9.

²⁾ Десять статей такого содержанія напечатаны въ „Сборникъ статей, недозволенныхъ цензурою 1862 г.“, изданномъ по распоряженію упр. мин. народ. проsv. для комиссіи по цѣлямъ книгопечатанія. Спб. 1862, 1—446 стр.